

МОСКВИ

У 18
628

**СТОЙКИЕ
АРТЕЛЬЩИКИ**

КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
1. Так было раньше	3
2. Как стало после революции	7
3. Селение Таремское, где возникла артель	10
4. Начали с семи рублей	12
5. Из кузницы -- в хорошую мастерскую	20
6. Теперь сила наша	21
7. Электрификацию-бы	23
8. Посмотрим, кто будет умен	24
9. „Пусть горит, а их бейте“	27
10. Артельный ответ несознательным	28
11. Стараемся ковать хороший нож	30
12. Не только хороший, но и дешевый	32
13. Пример шефам	33
14. По копейке	35
15. Мы идем и дойдем-таки до цели	37

И 18
628

М. ОКСКИЙ

СТОЙКИЕ АРТЕЛЬЩИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА
МОСКВА 1926.

Типография „Коминтерн“
Центрального Издательства
Народов СССР.
Ленинград, Екатеринбургск. 87.

Главлит 54269

Тираж 15.000 экз, 2½ листа.

Заказ № 408

Так было раньше.

Начиная от Нижнего-Новгорода, вверх по реке Оке, вплоть до самого города Мурома, в каждом селении с давних времен жители заняты кустарным промыслом. Выделывают они ножи, пилы, замки, топоры, ножницы, стамески, безмена и прочие вещи домашнего обихода и ремесленные инструменты. Землю пашет не всякий, а если и пашет, то только себе на потребу. Обрабатывают землю плохо, кое-как. Оттого и земля там истощена, засорена, обессидена и родит плохо. А кустарничают несколько десятков тысяч человек. Но и кустарный промысел у них недалеко ушел от хлебопашества. Нет у них таких машин, которые облегчают человеку труд. Над вещью, которую при помощи машины можно сделать в пять минут, кустарь гнет спину несколько часов.

Но так уж было заведено с истарии, такой порядок завели купцы-скупщики, чтобы за грош, за копейку кустарь работал день и ночь.

Работают главным образом на дому, всей семьей. Детей с малых лет сажают за верстак, чтобы по улице зря не бегал, не занимался играми, а помогал семье.

И в восемь-девять лет ребенок наравне со взрослыми по пятнадцать и больше часов в сутки и зиму и лето сидел за верстаком и добывал хлеб.

Сызмальства в школе учиться не было возможности.

К двадцати годам такой ребенок становился уже мастером, зарабатывал на хлеб и тем довольствовался.

С малых лет он привыкал видеть, что отец в постоянной кабале у купца, привыкал видеть, что без купца шагу шагнуть нельзя. Нужно ли сырье—сталь, железо, жечь,—к купцу с поклоном. Купец под работу сырье дает. Нужен ли хлеб, чай, сахар, мануфактура—к купцу опять. Купец и это дает. Но зато купец за все и ставил свою цену: за труд мастера и на хлеб. Сколько бы и как бы ни работал кустарь—а из долгов у купца не выходил. У кустаря была нужда, а у купца точный расчет—сколько дать под работу и сколько дать за работу, чтобы кустарь до гробовой доски на него работал. Лиха беда залезть в долги. А в долги залезли еще прадеды. Так из рода в род по наследству шла кабала. Хоть и было отменено крепостное право, но на самом деле кустарям до революции жилось не лучше крепостных.

Лет пятьдесят тому назад некоторые купцы стали строить заводы по выделке тех же изделий, что работали кустари. По расчетам выходит, что заводской машинный товар должен быть на много дешевле ручного, кустарного. Так оно и есть, теперь это всякий знает. Так оно и было. Можно было построить не-

сколько больших заводов, дать на этих заводах работу кустарям, освободить их от губительного труда на дому, дать возможность их детям учиться в школах. Но это было невыгодно купцам. Кустарь на заводе стал бы рабочим, а рабочие рано или поздно объединились бы и стали добиваться и более высокой платы за работу и улучшения своей жизни. Купец понимал, что заводского рабочего придется лечить и платить за увечья. Гораздо легче купцам выжимать прибыли из рабочих-кустарей, работающих в одиночку. Не нужно затрачивать капиталы на постройку больших заводских зданий, не нужно затрачивать капиталы на приобретение машин—кустарь будет работать всей семьей в душевой избушке.

Поэтому в царское время—купечество на большое строительство заводов не шло. Была у купца-промышленника фабрика, работало на ней двести-триста человек, а тысячам кустарей он давал работу на дом. Главный доход купец-фабрикант получал с этих кустарей, работавших на дому, как их там называли, „квартирников“. Квартирник делает, а купец поставит свое клеймо.

Но техника развивалась. На рынке стали появляться заграничные изделия лучшей обработки, машинной выделки. Нужно было улучшить качество кустарного товара. Купцы-фабриканты тогда выдумали такую штуку: они строили мастерские, оборудовали их машинами (например, шлифовальные мастерские), но не нанимали рабочих, а за плату сдавали места „квартирникам“. И купцу-фабриканту двойная выгода—и за

место он получит плату и кустарю за его изделия заплатят полцены. Или же продавали в рассрочку кустарям пресса—но только с условием, чтобы кустарь сдавал все свои изделия купцам. Ясно, что цену на изделия купец ставил ниже базарной. При такой жизни кустарь был темен, невежественен. Хоть и тяжело ему было по выхода из своего положения он по своей темноте не видел. На помощь купцу-фабриканту приходила и местная власть, подавляя силой (арестами) всякое недовольство, и попы, и царский кабак. Школ не было, зато настроили много церквей и кабаков. Неудивительно поэтому, что кустари в дореволюционное время даже не об'единялись, чтобы миром, артелью, скажем, добиваться хотя бы повышения цен на свои изделия. В нужде, в вечных долгах, в страхе и перед полицией, и перед поповским богом, кустарь жил и работал в одиночку.

Но все же, лет тридцать пять тому назад, несколько передовых кустарей во главе с революционером Штанге организовали в селе Павлове (теперь уездный город Нижегородской губернии) производственную кустарную артель. Однако, сейчас же на артель начались гонения. Губернатор по доносу купцов стал высылать из губернии организаторов, за артелью стали шпионить, среди кустарей и духовенство и купцы повели агитацию, что в артели сидят „политики“, что за такие дела не долго и в Сибирь угодить. Купцы мешали артели сбывать свой товар. В 1905 году черносотенцы с иконами, хоругвями и царским портретом двинулись толпой на

артель, но по случайности им не удалось разгромить артельскую мастерскую. Даже после февральской революции черносотенцы пытались громить артель, обвинив руководителей в том, что они не русские, а люди с немецкими фамилиями, а потому шпионы. Только вера в кооперативное дело, только желание довести дело до конца не сломили артельщиков. Они упорно увеличивали богатство артели, расширяли мастерские и строили новый двухэтажный завод, который и был окончен постройкой к февралю 1917 года. К этому времени в артели было триста членов и полмиллиона капитала.

Казалось бы, что эта артель должна была послужить хорошим примером остальным крестьянам-кустарям. Но власть и кабала купца была сильнее этого очевидного успеха. Стоило только какому-нибудь кустарю заикнуться где-либо о том, что не мешало бы пойти по примеру павловцев, как хозяева всячески старались прижать такого кустика: ему и в работе, и в кредите отказывали, долги старые взыскивали. И были случаи, что таких кустарей полиция арестовывала и из губернии высылала.

По всем этим причинам кооперация среди кустарей росла плохо.

Как стало после революции.

Октябрьская революция.

Полетели к чорту купцы-фабриканты.

Революция сразу погасила все долги кустарей, сняла с кустарей кабалу.

Фабрики и мастерские стали народными, государственными.

В городах рабочие сразу же прибрали фабрики к рукам и стали на них хозяевами. Долголетняя борьба с капиталистами, долголетняя работа с товарищами на заводе—научили рабочих держаться дружной семьей, не выпускать без боя завоеванного из своих рук.

Не то получилось с кустарями.

Вековая привычка работать в одиночку, блюсти только свои интересы, вековое безропотное подчинение „хозяину“, полная от него зависимость—не могли рухнуть в первые дни революции.

Кустарь растерялся.

Обиженные хозяева повели агитацию, что советская власть недолговечна, что скоро они опять станут хозяевами и будут мстить за обиды.

Кустари вместо того, чтобы объединиться в артели и на артельных началах овладеть мастерскими и без хозяев повести работу, стали выжидать.

Пришлось на мастерские повесить замки.

Началась оборона советской республики. Было надо мастерских. И только после победы над белогвардейцами наступила мирная жизнь, стало понемногу восстанавливаться хозяйство страны, задымались фабрики, застучали молотки в мастерских.

Кустари бросили хлебопашество, которым в голодные годы усиленно занялись, и вернулись к прежнему промыслу. Но денег не было, материалов для больших мастерских не хватало, поэтому волей-неволей им пришлось работать без станков и машин. На рынке у спекулянта появился лом, хлам. За этот хлам спекулянт драл непомерные цены. Кустарю деваться было некуда. Он брал, что дают, платил сколько просят, только бы иметь работу. Ясно, что от плохого сырья, от плохой обработки не получишь хороших изделий. Кустарь стал выпускать плохой товар. Спекулянт-скупщик не гнался за качеством, а гнался за дешевкой, благо спрос на павловские изделия по деревням был большой.

Государство могло сдать кустарям мастерские, могло дать сырье, могло закупать и готовые изделия у него, но для этого нужно было кустарю об'единиться в артель, в производственный кооператив.

И вот, наиболее передовые кустари, главным образом, молодежь, начинают при помощи Павловской артели вести работу по об'единению кустарей в кооперацию. 75-летний организатор Павловской артели—дедушка Штанге—работает не покладая рук, уговаривая, давая советы, об'единяя мелкие артели вокруг Павловской артели в районный союз.

Теперь работа легче—Советская власть не только не мешает вести эту работу, но всемерно помогает то льготами, то кредитом, то передачей в аренду на льготных условиях мастерских, то снабжением сырьем.

словом, дело стало за одними кустарями—за организацией в артели.

Однако, темнота и невежество все еще пока сильны в этом районе. До сих пор молодым кустарям-кооператорам приходится на селе выдерживать большую борьбу. Выгнали крупных купцов-фабрикантов—остался мелкий „хозяйчик“, на него работает еще много кустарей-одиночек. Остался поп со своим дурманом. Он приспособился к мелкому хозяйчику и защищает его.

Но борьба идет.

Молодые побеги растут.

Молодые артели уже не удовлетворяются старыми машинами. Они заботятся о покупке механических молотов для своих ножей, они надеются заставить работать на машину электричество, они знают, что машина вытеснит вновь народившегося хозяйчика,

освободит кустаря от тяжелой ручной работы,

даст школу ребенку кустаря,

даст здоровье кустарю—к 30—35 годам (личильщика) умирающему от чахотки.

Машина положит крест на все проклятое прошлое.

Об одной такой артели и упрямых, сильных духом артельщиках-организаторах и будет идти рассказ.

Селение Таремское, где возникла артель.

Селение Таремское расположено в 3-х верстах от города Павлова. В нем 94 двора. Живут довольно зажиточно. Главное занятие всего населения—кустарно"

производство. Работают на дому полуфабрикаты, сдают Павловским хозяйчикам или же по доработке продают на Павловских базарах. Зарабатывают семьей 8—12 рублей в день. (В семье работает в среднем 3—5 человек). В селении имеется отделение Павловского Потребительского Общества с местной лавочной комиссией во главе. Это отделение открыто в 1924 году. Население кооперировано потребительской кооперацией почти все. Кроме „потребилочки“ в селении находится районное кредитное сельскохозяйственное товарищество, организованное тоже в конце 1924 года. Членами в это товарищество входит 38 дворов. Есть школа, открытая в 1902 году. До революции школа была церковно-приходская, как и большинство школ Павловского района. Школа имеет собственное большое здание. Церкви нет, селение входит в Павловский приход, религиозный дурман еще крепко сидит в головах жителей. Ячейки ВКП (б) в селении нет, есть группа комсомольцев в 5 человек. На жизнь селения влияния эта комсомольская группа пока не имеет. Делегатки от женщин выбраны, но еще ничем себя не проявили. Сельсовет находится в 2-х верстах, в соседней деревне. Земли надельной на душу приходится около полуторы десятины. Земля—суглинок—невысокой урожайности, истощена, засорена, не знает правильного ухода за собой. Система земледелия—бессистемная, в лучшем случае, в некоторых местах—трехполье. Часть кустарей, увлеченная хорошим заработком, в настоящее время совершенно забросила землю—есть пустующая земля.

еханического оборудования кустарного производства в селении, за исключением артели, нет.

Теперь о самой артели.

Передаю рассказ организаторов артели.

Начали с семи рублей.

Рассказывает Бабушкин, Александр Михайлович. Ему 27 лет, беспартийный, окончил сельскую школу, местный

Организатор Таремской артели
**АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ
БАБУШКИН.**

житель, сын таремского ку-
старя, не женат, имеет (с
матерью и младшим бра-
том — учеником профессио-
нально-технической школы
в Павлове) небольшую из-
бенку, ведет самый простой
образ жизни. Организова-
л Таремскую артель, а сейчас
состоит секретарем правле-
ния и совета артели. Се-
кретарь сельско-хозяйствен-
ного кредитного товарище-
ства, инструктор Павлов-
ского Союза Промысловой
Кооперации. Пользуется
большим влиянием, не только
в своем селении, но и в

окрестных селениях. Вот, что он рассказывает об
артели.

— Мысль организовать артель в нашем селении, по примеру Павловской артели, у меня была давно, не было только подходящего момента. Вся беда в том, что наше селение находится слишком близко от Павлова. Хозяйчики смотрели на наше селение, как на свою вотчину. Наши кустари были под их полной властью. Когда я, бывало, заведу среди своих однодеревенцев разговоры об артели, то мне отвечают одно:— „Станем мы канителиться с артелью! Пусть Иван Степанович или Иван Иванович (хозяйчик) головы себе морочат—куда продать, где купить, а наше дело маленькое—отработал, получил, что следует и ладно“.

Об артели и слушать не хотели.

Воспользовался я голодом 1920 и 1921 г.г. Голод был сильный, работы не было, многие бросали дома и уходили в хлебные места. Среди кустарей царило сильное уныние. Тут я опять заговорил об артели. Заходил в дома, уговаривал, убеждал. Проагитировал год почти без толку. Наконец, в середине 1921 года удалось сплотить семь человек. Написали устав, стали собирать капитал. А кустарь за эти годы так обеднел, что с трудом мы собрали 20 рублей паевого капитала. Сразу же на утверждение артели пошли расходы. Израсходовали 13 рублей—осталось у нас 7 рублей. С этого „капитала“ и начали работать.

Кроме этих несчастных 7 рублей ничего у нас не было—ни инвентаря, ни помещения, ни сырья. Были только голова да руки, да еще упорное желание создать артельное дело.

Над нами смеялись — „сумасшедшие какие-то!“

Пошли искать работы. Это было при военном коммунизме, когда свободно на рынок работать было нельзя. Пошли в Павлово, зашли в Управление заводами. Предлагаем мы из их сырья ковать хлеботорные ножи (крестьянские ножи), так как члены артели были специалистами по ножам. В заводууправлении над нами посмеялись. — „Да вы что, граждане, с ума спятили! Какие ножи теперь — своих старых не знаем куда девать. Хотите дадим заказ на ведра, жести напая“. Ведер у нас никто не умел делать. И вот перед нами стала задача — или бери заказ на ведра, или расходишься по домам. Но если артель распустишь, то второй раз ее не соберешь. Подумали, подумали — и пошли на отчаяние — возьмем заказ, будь что будет, не распускать же в самом-то деле артель.

Взяли.

Принесли домой жести на своих плечах. Куда девать ее? Сложили пока у одного артельщика. Стали обсуждать, что с ней делать. На наше счастье один из наших артельщиков был в Германии в плену и видел там, как делают ведра. Рассказал нам. Принялись за работу, застучали молотками. Кое-как наловчились, а потом и выучились. Работать на дому было неудобно, нужно было друг у дружки учиться. Забрались мы самовольно в пустой домик, хозяин которого уехал от голода в хлебные места.

Первую партию сдали заводу, не забраковал завод, дал еще заказ. Так проработали мы до осени. В артель

от этой работы прибыли никакой не получилось, но сами кое-как прокормились. Осенью заводу больше жестяных изделий не потребовалось и нам в работе отказали.

К этой поре было уже разрешено свободно торговать изделиями на рынке. Открылся в Павлове базар. Появился в первую очередь большой спрос на пчеловодные дымари. Стали делать дымари, которых мы никогда до этого не делали. Партию или две продали, а там застопорило—не берут наших дымарей, говорят, что плохие. А на базаре уже появился в большом количестве хороший дымарь из мастерской одного Павловского хозяйчика. Сумел он сохранить в революцию свою мастерскую, инструмент у него в исправности, деньги тоже были спрятаны, нанял хороших мастеров.

Мы остались без работы.

Как выйти из положения?

Придумали мы заняться починкой сельско-хозяйственного инвентаря, подходила весна. Чинить, так чинить, только бы артель не развалилась.

У населения денег не было, за починку нам платили „пресвяками“ (хлеб из картофельной муки). Мучились мы так целое лето. А хозяйчики, у которых был инструмент, помещения и кой-какие запасы сырья, между тем выпускали на рынок ножи, замки, топоры и хорошо на этом зарабатывали. Хорошо зарабатывали и кустари, которые на них работали. У нас же за работу „пресняк“, да и то к концу лета и этого не стало.

Начался ропот в артели, а в артели все те же 7 человек. Артель чуть было не развалилась. Уговоры больше не действовали.

Самое тяжелое время наступило для артели.

Выход оставался один — ковать ножи. Но чтобы ковать ножи, для этого требовалось: во-первых, кузница, а во-вторых, пресса. Не было у нас ни того, ни другого, не было и денег на покупку.

Попали мы совсем в тупик.

Додумался, однако, кто-то из нашей артели: „Пойдем побираться на артель“.

Обсудили это предложение. Не смеялись, хватались за всякую мысль. Побираться не пошли, а выдумали свой „хлебный заем“. Это было похоже на побирание, потому что кто же даст взаймы артели, у которой за душой гроша нет.

Утопающий хватается за соломинку. Ухватились мы за эту мысль. Теперь можно посмеяться над этим „заемом“, но тогда у нас никакого другого выхода не было.

Мы составили заемное письмо под будущую работу. Иными словами обязались, вроде круговой поруки, уплатить изделиями своими в срок тому, кто даст нам денег на оборудование мастерских.

В первую очередь сами взяли заем. Последний хлеб несли в заем. Пошли по дворам. Уговаривали, упрашивали, выслушивали насмешки, издевательства, а все-таки распродали заемных писем на 45 пудов. В то время такой заем, когда еще не был налажен кредит

т государства, был допустим. А теперь такие займы и не разрешаются и не нужны, так как артель может получить кредит и в банках и в кредитных товариществах.

Тут же получилась для нас передышка.

Приступили к постройке кузницы. За 9 пудов ржи купили старую, развалившуюся избушку (можете себе представить, какой это был „дом!“). Разломали ее. В горе, за деревней выкопали яму 8×8 аршин. На себе перетаскали сломанную избенку, поставили на аршин над ямой сруб, накрыли. Так как крыть было нечем, то насобирали обломков досок, палок, кусков жести и половину крыши покрыли кусками досок, а другую половину—кусками старой ржавой жести.

Всю работу сделали сами. Сами копали яму, сами сруб ставили, сами крышу крыли, сами мазали. Кузница вышла не особенно привлекательной. По строительной части мы не мастера. Зато кузница была нашей, была первым артельным имуществом, после полуторагодовых мучений.

Построили кузницу—достали и пресс. Дала пресс нам Павловская артель в кредит, без процентов. За этот пресс артель наша уплатила только через полтора года.

Не думайте, что наша кузница—просто была кузницей. Ничего подобного. Это было целое учреждение—фабрика. В кузнице по углам размещались два горна, пресс и слесарный верстак. В простенках находились склады полуфабрикатов, сырья и угля. Тут же у стены приткнулась наша контора:—четыре столбика

и две доски на них. Кузница была и клубом—домой мы расходились только поздним вечером—поспать.

А всего в этом помещении было 8 на 8 аршин.

Взялись за ковку ножей. Пригласили мастера. Пригласить—пригласили, но платить ему нечем. Обещали ему выплатить, когда разбогатеет. Мастер согласился, стал у нас душой артели. Теперь он член артели и председатель правления. Кроме своих обязанностей мастера он выполнял и конторские работы, был приемщиком, одним словом, на все руки мастер.

Как бы там ни было, а в декабре 1922 года выкупаем мы 290 ножей. Ножи оказались хорошей работы, их у нас приняли.

С этого момента артель стала расти. Видя наш успех, вступали в артель новые члены.

Так в январе 1923 года у нас было—12 членов, в январе 1924 г.—17, в августе того же года уже—58, в январе 1925 года—83, а на первое сентября 1925 г.—89 членов и 11 кандидатов.

Сейчас мы принимаем осторожно. Сперва зачисляем в кандидаты, так сказать на испытание. Делаем это потому что были случаи, как только кустарь останется временно без работы—идет в артель, а там начнет поднимать склоку, если ему на стороне посулят лучший заработок.

В артель вступают не только таремские жители. Таремских у нас всего лишь 26 человек. Идут к нам и из других соседних селений. Идет к нам мелкий забитый кустарь.

Теперь посмотрите, как растет наше производство. Вы помните, я говорил, что первый выпуск ножей за декабрь месяц 1922 года был в 290 штук.

В следующий месяц—январь 1923 года мы выпустили уже 922 штуки, я там пошло увеличение производства все быстрее и быстрее:

в октябре 1923 года	—	6.000
„ феврале 1924 „	—	8.800
„ июне „ „	—	22.122
„ январе „ „	—	36.000

На этой цифре мы пока остановились, еще приспособиваясь и к выделке мелкого автоматического замка и улучшая качество ножа.

Теперь посмотрите, как растет наш капитал. Не забудьте—мы начинали с 7 рублей, а по хлебному займу рассчитались в срок.

Баланс на 1 января 1923 года	—	289 р. 10 к.
„ „ „ „ 1924 „	—	1.217 „ 14 „
„ „ „ „ 1925 „	—	9.755 „ 85 „
„ „ 1 июля 1925 „	—	14.579 „ 47 „

из них: основного—5.803 руб. 93 коп., запасного—326 р. 92 к., паевого 3.950 р. и нераспределенной прибыли с 1 января по 1 июля 1925 г.—3.425 р. 64 к.

Поясняю, что прибыль у нас распределяется так: 90% в основной и запасный капитал и 10% в фонд кассы взаимопомощи.

Хорошо зарекомендовав себя аккуратными платежами, артель имеет теперь кредит в банках, но из своих рамок мы не выходим и кредитом не увлекаемся.

Из кузницы—в хорошую мастерскую.

Когда у нас выросло производство и окрепли финансы, нам стало в вашей кузнице и душно и тесно. 2 года в дыму, в чаду, в жаре мы работали—захотелось лучшей жизни, а главное, донимала теснота. Все-таки 8×8 .

За работой в новой кузнице.

Летом 1924 года решено было построить новое здание под мастерские, склад, заодно и под контору. В августе 1924 года здание рядом с кузницей было готово. Здание это деревянное 15×10 аршин, полуподвальное. В нижнем этаже, в двух комнатах, разместили мастерскую, в верхнем—контора и склад.

Не успели мы перебраться в новое здание—загорелась старая кузница. Пришлось строить новую. На этот раз построили уже хорошо оборудованную кузницу. Той же осенью дополнили мастерскую новыми инструментами и еще двумя прессами.

Теперь сила наша.

Почувствовали на деревне мы свою артельную силу—взялись за другую кооперативную работу. В селении у нас не было лавки. За всяким пустяком идти три версты в Павлово. Возбудили мы ходатайство перед Павловским потребительским обществом об открытии у нас отделения, обещая, что все члены артели сразу вступят членами в потребительскую кооперацию. ЕПО согласилось, открыло отделение. Артель целиком вошла в члены этого общества. Повели агитацию среди остального населения. Один по одному наши одиночки стали вступать в потребительскую кооперацию. Сейчас осталось из 94-х дворов нашего селения только три двора—не члены „потребилковки“. Выбрали лавочную комиссию. Она состоит, за исключением одного, из членов нашей артели.

Как только наладили с „потребилкой“ — стали думать о кредитной кооперации. Население нуждается в кредите — получить его негде. Стало обращаться к нам население окружающих деревень за советами, где и как получить кредит. В газетах читались, что советская власть кредит дает, а где его получить — не знают.

И в этом деле почин на себя взяла артель. Открыли кредитное сельско-хозяйственное товарищество. Руководит в нем артель, которая и составляет крепкое ядро в товариществе. Пока товарищество не окрепло, не имеет еще средств на расходы — мы ему отвели уголок в своем здании, даже на первых порах и бумага и чернила наши. Накопит когда средств — тогда пусть идет в выдел.

Что же вам еще сказать?

Организовали при артели кассу взаимопомощи, чтобы не бегал наш артельщик просить займы к кулаку. Предполагаем застраховать наших артельщиков как это сделала у себя Павловская артель, чтобы наш кустарь и на курорт мог поехать и полечиться, как следует мог. Купили библиотечку для артельщиков на 84 рубля, выписываем для артели газеты.

Пока мало мы тратим на культурно-просветительные цели. Мы знаем, понимаем, что чем просвещеннее будет наш артельщик, тем лучше будет артели, но пока карман не позволяет большего. Богатеть станем — больше уделять средств будем на просвещение.

Электрификацию бы!

Какие у нас планы на будущее?

Некоторые члены артели заносятся в мыслях высоко, но в общем артель на дело смотрит трезво, все время оглядывается на карман и на свои руки.

До зарезу нам нужна шлифовальная мастерская. Шлифуем мы ножи сейчас в деревне Хреновой, верстах в пяти от нас, за Окой. Это страшно неудобно и невыгодно. Без своей шлифовальни мы не можем улучшить качество своего ножа. Выкуем мы хороший нож — а отшлифуют его нам плохо.

В первую очередь мы думаем поставить шлифовальную мастерскую.

Затем — механическую ковку ножей. У нас ковка пока ручная.

Для всего этого нужно электричество.

Правда, шлифовальню можно оборудовать и без электричества. И посейчас есть мастерские, где колеса вертят руками. Но, повидав электрические мастерские, не захочешь вертеть рукой колесо.

Когда думаем и обсуждаем вопрос об электрификации, то голова идет кругом. И заманчиво ведь: можно будет перевалить самую трудную работу на машины, попутно поставить мельницу, в каждый дом провести электрический свет —

и боязно, — а вдруг сорвемся!

Ведem переговоры с Электросельстроем. Около года торгуемcя, прицениваемcя. Приезжал инженер, накатал смету в 15 с лишним тысяч. Правда, сюда входит и мельница и освещение деревни и кредит на 4—5 лет, но не забудьте — начинали мы с 7 рублей, а тут 15 тысяч.

Не знаю, что решим. Пока мозгуем.

Вот и все у меня и весь рассказ про наше маленькое артельное дело“.

Посмотрим, кто будет умен.

Говорит Григорий Иванович Бабушкин, ему 49 лет, уже седина, высокого роста, с большой окладистой бородой. Беспартийный, малограмотный, работает сызмальства над ножом. Член правления артели.

— „Работал я до артели на фабрике купца Первого. Про старые времена и вспоминать тяжело... Наши дети растут в новой жизни, старой не знают. А было раньше так—не угоден стал хозяину,—катись шариком на все четыре стороны. Заупрямишься—ст стражника по шее или нагайкой по горбу получишь. И некому за тебя заступиться. Никаких тебе тогда профсоюзов не было. Вся власть была за хозяина. А мы вроде скота рабочего. Натерпелся я за свою жизнь, наголодался, намучилась и моя семья.

Обрадовался я революции. Вот она, думаю, свобода. Но свобода-то нам была дадена, а что с ней делать—мы тут еще не знаем.

Голод загнал меня в Таремское. Я таремский житель и вздумал пахать. Из пахоты ничего не вышло, непривычен к ней. Осенью 1921 года вступил в артель, вскоре после ее организации. Сроду ведер не делал, а тут пришлось. Ничего, выучился, теперь за мастера смогу быть. Но перед тем, как ведра делать, пришлось мне штукатуром стать—за мазывать щели в брошенном доме, в котором мы артелью, стали работать.

Я мажу — весь в глине, а одноподеревенцы подойдут, поглядят, посмеются, и говорят: „Дурак ты, Григорий Иванович, и больше ничего! Над чем работаешь? Сдохнет твоя артель вместе с тобой. Артельщик!“

Член правления Таремской артели
ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ
БАБУШКИН.

Мне хоть это и обидно, но молчу, про себя думаю: „Несознательный вы элемент и больше ничего“.

Лучше дураком помру, а назад к хозяину не пойду. Поработал на него, будет.

В артели пришлось всем быть“.

Тут его перебивает артельщик, седой дедушка, Федор Егорыч Медведев.

— „Как Петр Великий“...

— „Вроде этого!“ — смеется Григорий Иванович. — Пришлось и каменщиком и правщиком, и сортировщиком быть. Все в одно время. Работали дружно. Раз поставили себе такую задачу — так чтоб не отступать.

Население сперва смеялось над нами. Не верили и просто надсмехались, дураки дескать, ничего у них не выйдет.

И трудно было верить.

Но как только дела наши начали поправляться, как построили мы кузницу — смех перешел в злобу. Ругать зачали, клевету всякую наводить. Детей своих против нас натравили.

Мы работаем в кузнице, а дети соберутся ватагой и давай швырять в окна камнями. Ни один раз били они нам стекла. Бьют и ругают нас самым гадким ругательством. Родители научали.

Злоба у них росла с каждым днем. Стали раздаваться угрозы. Нам не давали прохода. Травили и наши семьи.

Если не боялись кулаки заступничества за нас советской власти, будь это при другом правительстве, нас бы перебили.

„Пусть горит, а их бейте!“

Когда загорелась кузница, мы подняли крик. Артельщики сбежались, прибежала тушить и часть населения. Мы бросились к пожарному сараю. Там уже стояла кучка кустарей-кулаков. Они не стали давать нам бочек, всячески ругая нас. Силой взяли бочки.

У самого пожарища встала кучка кулаков с кольями и не допускала тушить.

— „Пусть горит, а их бейте!“.

— „Попечь их надо!“

— „Пушай чортовы прессы горят!“

Когда увидели нашего организатора, Александра Михайловича Бабушкина, то кулаки бросились на него с криком:

— „Идет горбатый чорт, бейте его!“

— „В огонь его живым!“

Пробовали кулаки грабить артельный склад. Артельщики поставили у склада караул из своих жен. Сами же, вооруженные для защиты кольями (в одной руке кол, в другой — ведро), тушили.

Вот до чего доходила ненависть хозяйчиков.

После пожара, когда кулаки почувствовали в нас боевую силу, — отншение изменилось. Кулаки хотя зло поглядывают и до сих пор, но молчат, а середняк-кустарь стал артель уважать.

Попытались было кулаки еще раз попробовать вскоре после пожара свою силу. Но и тут у них сорвалось.

После пожара нам потребовалось место под постройку новой кузницы. В сельсовет мы подали заявление, чтобы нам отвели место рядом с мастерской. Об этом узнали кулаки. Самовольно собрали в Таремском сход. На сход пришла организованно наша артель и кулацкую затею сорвали. После долгой и упорной борьбы с кулаками на сходе, где они кричали: „Место им отвести за оврагом, в яме“ — сход большинством встал на нашу сторону и участок нам дали возле мастерской.

Артельный ответ несознательным.

Как мы ответили на все нападки, на все оскорбления?

Начали мы с детей. Нам нужно было в первую очередь помириться с ребятишками. Кроме того, что мы стали помогать школе, зимой артель для детей устроила детский праздник. Купили подарков, собрали всех ребятишек, и детишки были рады.

Когда приступили к раздаче подарков, мы детям говорили:

— „Вы бросали в нас камнями, били наши окна, смеялись над нами, а мы вот зла не помним. За ваш камень — мы оплатили вам: устроили праздник и раздаем подарки. Артель заботится и о вашей школе, о вашем просвещении.“

Таким же образом мы стали действовать и на несознательных середняков.

При тушении пожара оказалось, что общественный пожарный обоз неисправен.

На сходе мы и говорим:

— „Когда загорелась наша кузница, некоторые из граждан не давали на пожар обоза. Обоз в действии оказался неисправным. На зло мы отвечаем добром. Знаем, что многие из вас действовали по наговору и по своей темноте. Артель решила отремонтировать пожарный обоз“.

И отремонтировали.

За это получили благодарность от всего селения.

Когда услыхало население, что мы думаем поставить электрическую станцию, оно этим очень заинтересовалось. Стали расспрашивать, будет ли освещение в домах, будет ли мельница.

Мы не сомневаемся, что когда будем проводить электричество, нам поможет работами все население.

Теперь многие из недавних врагов артели желают вступить в артель. Мы не можем всех желающих принять из-за тесноты,—мастерская наша всех желающих не вместит. Вот каким образом мы сломили ненависть по темноте населения“.

Стараемся ковать хороший нож.

Главным заправкой по части производства является председатель правления артели Константин Михайлович Винокуров. Он тоже беспартийный, кустарь из соседней деревни Завалицы. До революции он работал старшим мастером на большой Павловской фабрике купца Тер-

бинива. В артель он поступил в декабре 1922 года, когда артель принялась за ковку ножей, вначале за

Изделия Таремской артели.

мастера, а впоследствии стал членом артели. Он показал себя хорошим работником и артельщиком, и артель его выбрала председателем артели. Винокурову 33 года.

Относительно артели он говорит:

— „Самой главной нашей задачей является довести качество товара до довоенной добротности и сделать товар хорошим.

Два с половиной года мы выделяли только хлебо-резные ножи.

Наши артельщики на ножах хорошо специализировались, выработка стала больше.

С самого первого месяцаковки ножей мы потребовали от артельщиков добросовестной работы. Не все артельщики с этим были согласны. Нашлась часть таких артельщиков, которые стали ворчать, что велика браковка.

„За каждый пустяк и бракуют.“

„Это непорядки.“

„Хуже хозяйского прижиму, что был при царском строе.“

„У хозяина было лучше работать.“

„Хозяин меньше браковал.“

Большая часть артельщиков была согласна с такой строгой приемкой.

— „Что вы сравниваете артель с хозяином!? На хозяина работали—тебе дела не было до качества товара. Сдал и ладно. Хорош ли, худ ли товар—тебе до этого нет дела, только бы сдать. Дело хозяина — продать. А в артели не то. Нам его продавать приходится. Будет плох товар — не станут у нас его покупать. Спросят—чей товар? Таремский? Нет, скажут, и даром не надо? Вот оно что“.

Несколько недовольных ушло из артели. Зато остальные вполне поняли, что значит заводская марка, и прилагают все усилия на улучшение товара.

И нужно сказать, что наш товар теперь не на последнем счету. Кто купит наш нож — ругать нас не будет.

Не только хороший, но и дешевый.

Теперь о цене. Наш нож пока дорог. Не скажу, что он дороже, чем у остальных кустарей. Он не дороже и фабричного, но все же по сравнению с ценой мирного времени наш нож дороже.

Как мы ни стараемся удешевить себестоимость ножа, но при ручной ковке и без своей шлифовальной мастерской нам цен не снизить.

Мы каждую копейку прибыли убиваем на покупку машин, но теперь нам ясно стало, что нужно в корне перестроить наши мастерские и нашу работу.

Дешевый, красивый товар даст при нашей помощи электрическая машина. На это нужны деньги — кредит. Кредит мы надеемся получить — советская казна и советская кооперация нам идут навстречу.

Начав с 7 рублей, мы показали себя, показали на примере, что нашей артели можно верить, что наша артель будет опорой советской власти“.

Пример шефам.

Артельщики рассказывали, что артель помогает школе. Но это говорили артельщики. Лучше спросить

у самой школы, как и чем помогла ей артель. Вот что говорит школа:

„Наша школа на два селения — на Таремское и на Завалицы — рассказывает учительница Прасковья Ивановна Малышева, молодая девушка, беспартийная. — Как в 1902 году построили это здание, так оно до 1924 года не знало ремонта. Когда я приехала года 2 тому назад в Таремское учительствовать, то на школьное здание было страшно смотреть: крыша провалилась, печи были разрушены, не все рамы остеклены, в 4-х окнах рамы вывалились, мох и пакля из пазов вылезла. Хуже скотского хлева.

Как, думаю, в ней заниматься?

К кому обратиться за помощью?

У волисполкома средств нет, в уезде тоже бедны, ничего не получишь, не дадут.

Пробовала говорить с кустиарями-деревенскими.

Тот сочувствует, тот соглашается, тот находит необходимым ремонт, а как собрались на сходку — так у них ничего и не вышло, отказались от ремонта, испугались расходов.

Вижу с деревней ничего не выйдет.

Решила толкнуться в артель. Думаю, артель, все-таки артель не — одиночки, должна помочь.

И артель на мою просьбу откликнулась.

Осенью 1924 года артель заплатала и окрасила крышу, вставила 4 рамы, остеклила окна, отремонтировала частично печи, поставила горюдьбу, так как

старую изгородь в прошлом году население растаскало по дворам.

Кроме ремонта школе нужны были и учебные пособия. У школы своего ничего не было, даже букварей. И тут помогла артель.

Здание школы, отремонтированное артелью.

Связалась школа с артелью. Артель стала лучшим другом школы.

Зиму 1924 — 25 года в школе можно было заниматься, благодаря артельной помощи.

Но сделанный ремонт был недостаточен. Здание нуждалось в капитальном ремонте. Еще зимой мы сго

ворились с артелью заняться заблаговременно вопросом капитального ремонта школы летом 1925 года.

Составили смету.

Смета показала цифру в 220 рублей.

220 рублей для артели было не под силу.

Начали собирать пожертвования.

Составили подписной лист. Артельщики пошли со сбором по дворам. В первую голову подписались артельщики. Члены артели подписали 22 рубля, среди одиночек кустарей насобирали 27 руб.

Мало.

Пошли кланчить по Павловским кооперативам. Пока ходили, кланчили, выдумали мы с артелью заняться торговлей, чтобы прибыль от этой торговли пустить на школу.

Взялся за это дело член правления артели Григорий Иванович Бабушкин.

По копеечке.

Верстах в 4-х от Павлова есть лесок Знобиха. По вечерам особенно в праздники туда идет погулять молодежь. А раз идет гулять, то ищет и развлечений. Парни угощают девушек сладостями, сами балуются папиросами.

Григорий Иванович и избрал этот лесок местом своей торговли.

Он изложил „коробушку“ под поручительством артели набрал на комиссию в Павловской потребитель-

ской кооперации папирос, орехов, печенья, конфет и шел после работы в лесок торговать.

Нарисовали мы Григорию Ивановичу вывеску. На вывеске написали: „С начислением в пользу Таремской школы“.

Григорий Иванович торгует.

Молодежь, прочтя эту вывеску, охотно покупала даже тогда, когда в покупке не было надобности.

Наторговал наш Григорий Иванович 30 рублей.

Мало.

Открыли торговлю баварским квасом.

Получили 6 рублей прибыли.

Всего набралось у нас с новыми пожертвованиями 170 руб.

Начали к осени капитальный ремонт.

Действительный расход оказался больше сметы, недостачу пополнила артель своими средствами.

Не будь артели — стояла бы школа и по сию пору без ремонта, мерзли бы дети вместо ученья.

Школа стоит через дорогу от артельной мастерской, всегда мастерская на виду, на глазах у детей.

Ученики знают, что школа живет артелью, у детей явилась любовь к артели.

Из учеников Таремской школы выйдут в будущем хорошие артельщики“.

„Мы идем и дойдем-таки до цели“.

Беседа происходила в помещении артельной конторы. Это вернее склад, а не контора. Все помещение завалено артельвыми изделиями. Тут и товар, предназначенный к продаже, тут и брак.

— „А как вы поступаете с браком“?

— „Продаем как полуфабрикат. Клейма своего на брак не ставим. Мы не выпускаем со своей маркой плохого товара,“ — отвечает т. Винокуров.

— „А как у вас накладные расходы?“

— „Накладные расходы у нас невелики. Жалование администрация получает небольшое. Мы урезаем сами себя во всем, даже в необходимом. Дрожим

над каждой копейкой. Лишнего листа бумаги не израсходуем. Все вгоняем на расширение и оборудование мастерской“.

— „Растрат у вас не было?“

— „Растрат?!... — удивленно воскликнул молодой Бабушкин. — Да кто растрачивать то будет? Ведь своим горбом все наживали артельное добро. Ведь кровью и потом своим мы строили артель. А вы говорите — растрата! Ведь если артельщик у нас запыет, или как либо по другому поведет ненормальный образ жизни, мы сейчас же его берем в переплет. Мы все сжились, сработались, сами создали это дело, верим друг другу. Но кроме веры мы и отчетность поставили хорошо. Сейчас посадили двух счетоводов-служащих. Вы спросите, в Павловской артели о растратах — она существует 35 лет, но там не было не только растрат, но даже вообще никакого недочета не было. В артели работают отцы, за отцами идут дети, все мы, как пчелки, таскаем в один улей. Если бы и случилась растрата, — артельщики бы со свету сжили. Это ведь не торговля, тут каждая копейка на мозоле записана“.

— „А как вы все-таки насчет электрификации?“

Бабушкин наморщил лоб. Долго думает, потом возбужденно говорит:

— „Будем и мы с электрификацией! Будем с мельницей, с освещением, с хорошими машинами в мастерской! Мы артелью повесим лампочку Ильича в каждый дом кустаря-одиночки, а свет Ильичевой лампочки по-

тянет кустаря-одиночку в артель. Куда им одиночкам, как бы они на нас ни злобствовали, устоять против машины?!

Вот сейчас заканчивают постройку Балахнинской районной электрической станции. Она построена по плану Ильича. Она должна дать силу всем заводам Нижегородской губернии. Мы сейчас просим советскую власть: включите нас в провода этой станции. Возьмите и нас на привод.

И нам обещают дать частичку этой новой, советской, большой электрической силы.

Мы знаем, советская власть за нас. И мы крепко стоим за советскую власть. И мы делаем, хотя маленькое, но советское дело, собирая по одному распыленных кустарей, под артельное крыло. Мы перестраиваем по новому жизнь и производство кустаря.

Мы не коммунисты, в партии не состоим, но думаем, что делаем не противное коммунизму дело. Партия коммунистов нам освещает своим фонарем дорогу, а мы идем и дойдем-таки до цели.

Через два-три года будет у нас ярко гореть электрическое солнце, разогнется и отдохнет усталая спина кустаря.

Говорили долго, далеко за полночь.

В накуренной конторе-складе, положив голову на руку, сидит и учительница.

У школы с артелью крепкая связь. Учительница член артельного совета. Союз науки и труда.

Сельская школа для Таремского — то же, что университет для города: — в деревне больше темноты, а школа с этой темнотой лучший очаг борьбы.

Но еще большее значение имеет этот союз. Это союз молодого поколения с коллективным трудом. На примере артели, ежедневно прислушиваясь к ее работе, к ее жизни, школьники кроме грамоты изучают еще и коллективное производство, изучают машинную обработку, имеют возможность сравнить артельную работу с потугами отца, одиночки-кустаря.

Этот союз пойдет впрок молодому поколению.

Вышли на улицу.

Темно.

А молодой Бабушкин, хлюпая по грязи, планирует: — «Вот здесь поставим мельницу, вот здесь будет у нас стоять электрическая станция, вот по этой улице проведем в первую очередь свет.»

Деревня спит.

Даже не лают собаки.

Не спят только несколько человек —

упрямых, сильных духом,
беспартийных коммунистов.

Они вышагивают, вымеривают, темной ночью ищут пути к осуществлению заветов Ильича.

Найдут.

Уже сейчас стоят на верной дороге.

Издательство „КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА“ при ЦК ВКП (б)

ВЫШЛИ НОВЫЕ КНИЖКИ
ДОСТУПНЫЕ ДЛЯ ДЕРЕВНИ

- Яковлев, Я. „Коммунист на советской работе в деревне“. Стр. 48. Ц. 7 к.
- Сокольников, Г. „Что надо знать крестьянину о наших финансах“. Стр. 48. Ц. 8 к.
- Евсигнеев, А. „Палка в колесе“. (Почему дороги товары и почему их нехватает). Стр. 56. Ц. 10 к.
- Грандов, М. „Расслоение деревни“. Стр. 96. Ц. 18 к.
- Алфутов, В. „Почему в городе трудно найти заработок“. Стр. 32. Ц. 10 к.
- Громов, А. „Советская жатка и косилка“. Стр. 48. Ц. 10 к. (С рисунками).
- Елизаров, Н. „Что постановил 14-й съезд коммунистической партии“. Стр. 64. Ц. 12 к.
- Демьян Бедный. „Избранные басни“. Стр. 64. Ц. 10 к. (С портретом автора).
- Григорович, А. „Веселые посехонцы“. Стр. 64. Ц. 10 к. (С рисунками).
- Шишков, В. „Шутейные рассказы“. Стр. 64. Ц. 10 к.
- Филатов, Аронов и Селицкий. „Что надо знать кустарю и ремесленнику о налогах“. Стр. 96. Ц. 20 к.
- Роги, М. „В одиночку или артелью“. Стр. 64. Ц. 15 к.
- Семенов, А. „Шубно-овчинное производство“. Стр. 96. Ц. 20 к.
- Флеров. „Как шить обувь“. Стр. 96. Ц. 20 к.
- Романов. „Хорошие места“. Стр. 64. Ц. 10 к.
- Козырев. „Гражданин Репкин“, Стр. 64. Ц. 10 к.
- Цилько, Ф. По кооперативной дороге. Стр. 64. Ц. 35 к.
- Филатов и Селицкий. „Что надо знать о налогах артели и ее членам“. Стр. 128. Ц. 30 к.
- Посадский, Н. „К общей цели через артели“. (Примерный устав артели в стихах). Стр. 45. Ц. 12 к.
- Против пьянства. Пособие для деревенских политпросветработников под редакц. и с предисловием Н. А. Семашко. С 12 рис. в тексте. Стр. 52. Ц. 30 к.

Все эти книжки, как и любую другую книжку, можно выписать через книжную экспедицию „КРЕСТЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЫ“ (Москва, Воздвиженка, 9).

„КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА“ дает письменные и устные советы насчет выбора и чтения книжек.